

Чукчи: Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Ч-88

Ч-88 Чукчи: Рассказ / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 48 с.

ISBN 978-5-519-73377-9

ISBN 978-5-519-73377-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Приходятъ корабли?!—повторилъ Степанъ.

— Безъ шутокъ. Мы должны съ ними... Мы познакомимся съ ними, мы съ ними подружимся...

— Да съ кѣмъ это?

— Сказалъ я вѣдь: съ чукчами. Ты все шутишь. Между тѣмъ, ты это долженъ сдѣлать: это тебѣ легче всего устроить. У тебя мастерская, пропасть народу ходитъ, и новыя знакомства не вызовутъ никакихъ подозрѣній. Хочешь, я это устрою. Я скажу казаку Бузѣ, чтобы привелъ ихъ при случаѣ... Кстати, будетъ у тебя прекрасный переводчикъ...

— Хорошо, скажи казаку Бузѣ...

— Ахъ, противный! Просто не выношу этого тона... Ну чего!.. чего тебѣ нужно?.. Все разыгрываешь какого-то Манфреда... Если бы у меня были твое здоровье, силы и умѣніе...

— Тогда были бы у тебя моя тоска и мое отчаяніе...

— Ты думаешь, что я не тоскую?

— Нѣтъ, я этого не думаю. Но у тебя есть чѣмъ развлечься: ты читаешь, философствуешь, созидаетъ все новые и новые проекты... Я же долженъ жить, двигаться, мнѣ нужны впечатлѣнія... Читать я не люблю, мнѣ нуженъ трудъ... Я гасну, я умираю... Тоска буквально сосетъ меня... буквально... Я постоянно чувствую ее проклятую въ мозгу, въ груди; она какъ будто обвилась кругомъ моего сердца... и шевелится тамъ...

— Вотъ и прекрасно. У тебя будутъ и трудъ, и впечатлѣнія...

Они за чаемъ проболтали всю ночь.

Ночь, впрочемъ, отличалась отъ минувшаго дня

только положеніемъ звѣздъ, большимъ морозомъ, болѣе частымъ и громкимъ стenanіемъ лопающихся отъ холода льдовъ да земли, потухшими по избамъ огнями и притихшимъ, болѣе жалобнымъ воемъ собакъ.

— Такъ помни, я ихъ приплю... Обворожи ихъ, какъ это ты умѣешь, если захочешь!

— Хорошо, хорошо! Есть у меня въ починкѣ шарманка исправника, заведу ее, пусть играетъ.

— Да, это будетъ недурно... Воображаю себѣ удивленіе дикарей: ящикъ разговариваетъ!.. А все-таки не забудь угостить ихъ водкой. И Бузу угости. Онъ намъ необходимъ... Расположи его къ себѣ... Я не знаю, не пробую даже вообразить себѣ, что мы предпримемъ... что это будетъ...

— Что же будетъ? Ничего не будетъ. Даже водки не будетъ, потому что ее навѣрно выпьютъ...

— Противный пессимистъ, все ты каркаешь, точно воронъ... Минуты не выдержишь безъ яду...—крикнулъ Осипъ уже въ сѣняхъ и хлопнулъ за собою дверьми. Степанъ стоялъ нѣкоторое время посерединѣ избы и слушалъ внимательно, какъ затихаютъ вдали быстрые, рѣзвые шаги товарища. Онъ улыбался. Онъ любилъ, чтобъ его ругали „пессимистомъ“.

Нѣсколько дней спустя, когда молодой человѣкъ сидѣлъ за работой у стола, спиною къ дверямъ, въ сѣняхъ раздались странные голоса, топотъ, шорохъ, точно кто-то неумѣлой рукой дергалъ ремень, замѣняющій дверную ручку. Степанъ вопросительно взглянулъ туда; одновременно двери пріотворились, и въ щель высунулось плоское, темное лицо дикаря.

— ...Да иди же, сказываю! Доспѣй двери-то!..

Избу выстудишь...—крикнулъ кто-то изъ глубины сѣней. Степанъ узналъ голосъ Бузы и догадался.

— Милости просимъ, войдите!..

— Никакого обхожденія, настоящіе чукчи... тундряные... Вотъ этотъ, хотя и крещеный, да дикій—Лопатка! Хорошій парень. Мало-малу воръ, лють [на водку, но мольчъ хорошій человѣкъ... А этого вы не трогайте: этотъ—ихній воюнъ... Его вы не трогайте... Это Китувья!

Дикари стояли другъ около друга посерединѣ избы и глядѣли кругомъ внимательно, но безъ тѣни удивленія. Мѣховая одежда, шерстью наружу, неуклюже висѣла на ихъ плотныхъ, крѣпкихъ фигурахъ. Они показались Степану чрезвычайно похожими другъ на друга, впрочемъ, присмотрѣвшись, онъ замѣтилъ, что болѣе темное и гордо поднятое вверхъ лицо Китувьи полно удивительнаго достоинства и силы, которыхъ онъ и слѣда не нашелъ въ болѣе подвижныхъ и пошлыхъ чертахъ Лопатки. Узкіе глазки послѣдняго безцеремонно обыскивали всѣ закоулки его хозяйства, пока не наткнулись на рядъ бутылокъ. Тогда лицо его вдругъ преобразилось, ноздри раздулись, и широкій ротъ раскрылся въ восторженную улыбку.

— Сними шапку!..—прошипѣлъ Буза и локтемъ толкнулъ его въ бокъ. Лопатка немедленно стащилъ съ головы мѣховой капоръ и кивнулъ нѣсколько разъ по черепашьи большой квадратной, гладко обстриженной головой. У Китувьи совсѣмъ не было шапки. Его густые, черные, вихристые волоса поддерживалъ низко на лбу подвязанный ремень. Подобный же ремень виднѣлся на его голой груди и шеѣ въ просторной выемкѣ пыжовой куклянки. Онъ быстрымъ взглядомъ об-

велъ Степана, избу и бросилъ нѣсколько гортанныхъ звуковъ въ тонѣ вопроса казаку.

— Вы слышали, вы слышали?—замѣтилъ тотъ съ улыбкой.—Совсѣмъ оленій у нихъ разговоръ... И вѣра у нихъ оленья... Куда олени пойдутъ, туда и они за ними... Очень любопытно... Намъ Осипъ Ивановичъ сказывалъ, чтобы мы пришли,—такъ мы пришли...

— Хорошо. Сейчасъ чай будетъ... А, можетъ быть, водку раньше желаете...

— Водку мы всегда обожаемъ! Они, дикіе, чай пьютъ только такъ... по любезности... А я долженъ съ ними...

Чтобы развлечь ихъ, Степанъ показалъ имъ магнитъ, заставилъ бить часы съ кукушкой. Появленіе птички въ окошечкѣ вызвало переполохъ, а затѣмъ смѣхъ. Огонь весело гудѣлъ въ каминѣ. Гости сбросили верхнее платье и усѣлись на скамьяхъ и стульяхъ. Буза то и дѣло насмѣшливо выкрикивалъ:

— Ахъ морды вы... олени морды!.. Дикіе люди!..

Лопатка жмурился и тихо похрюкивалъ; Китувья важно переводилъ умный, пытливый взглядъ съ предмета на предметъ. Наконецъ, и въ его лицѣ блеснуло удивленіе: онъ издалъ глухой окрикъ и указалъ пальцемъ на большой камень, подвязанный, какъ тяжесть, къ связкѣ сохнувшихъ жилъ. Всѣ присутствующіе столпились немедленно кругомъ этого камня, трогали его пальцами, пробовали поднять одной рукой. Но сдѣлать это могъ только Китувья. Когда Степанъ продѣлалъ то же, въ лицѣ воина засвѣтилась благосклонность; онъ сказалъ „братъ“ и незамѣтно повелъ рукой по его плечамъ и спинѣ.

— Хвалить васъ. Спрашиваетъ, почему вы не хо-

дите въ кругъ, къ кабаку... Вы ему простите, извѣстно... морда!

— Ты скажи ему, что мнѣ недосугъ... что я занятъ...

По мѣрѣ перевода лицо Китувьи опять приобрѣтало надменное, каменное выраженіе.

— Онъ, дуракъ, не вѣрить, что хотя вы кузнецъ, а самъ исправникъ васъ уважаетъ, и всѣ купцы васъ съ честью принимаютъ... У нихъ кто *воюиъ*, тотъ не работаетъ, тотъ дерется, водку пьетъ, а другой молчать непредчительно считаетъ... Развѣ—развѣ, оленя заколеть... нарту доспѣть...

Гости добросовѣстно съѣли и выпили все. На прощаніе Лопатка сказалъ безконечное число разъ „братъ“ и лѣзъ цѣловаться. Наконецъ, они ушли, оставивши въ избѣ непріятный запахъ скверно выдѣланныхъ оленьихъ кожъ, оленьяго жира и оленьей крови.

— Пойдетъ теперь о васъ среди чукочъ мѣніе... Покою не дадутъ вамъ... — обратился въ сѣняхъ къ Степану Буза.

— Покорно благодаримъ за хлѣбъ-соль... Когда еще прійти прикажете?

— Спроси объ этомъ Осипа Иваныча.

— Что же?! Были? — спрашивалъ на слѣдующій день Осипъ.

— Какъ же, были! Избу послѣ того нѣсколько часовъ провѣтривалъ, чуть не замерзъ...

— Что же, — позвали тебя къ себѣ?

— Нѣтъ, не позвали.

— Ну, ничего, придетъ и это. Подождемъ. Буза рассказывалъ, что ушли въ восхищеніи.

— Самъ Буза, думаю, больше ихъ ушелъ въ восхищеніи. Ёль и пилъ за троихъ.

— А Лопатка какъ тебѣ понравился. Правда, симпатичный паренекъ?..

— Лопатка—не думаю. Лопатка тамъ, гдѣ водка. Но врядъ ли онъ пользуется большимъ вліяніемъ.

— Не нужно и такими пренебрегать. Они своими рассказами готовятъ почву. За ними придутъ другіе... Терпѣніе, терпѣніе... Ты только не огорчайся неудачами... Впрочемъ, ихъ еще нѣтъ, наоборотъ, все идетъ прекрасно. Я, съ своей стороны, тоже постараюсь. Вчера я былъ у отца Пантелѣя, миссіонера. У него я раздобылъ немного чукотскихъ словъ: постараюсь выучить необходимыя фразы. Понемногу все сдѣлаемъ. Не только языкъ, нужно узнать ихъ обычаи, сойтись съ ними, стать ихъ человѣкомъ. Отецъ Пантелѣй много можетъ намъ въ этомъ помочь... Онъ славный... Ты, съ своей стороны, будь съ ними любезенъ, не жалѣй водки и мяса...

— Да не жалѣю я для нихъ ничего, — только... черезчуръ сидятъ...

— Пусть сидятъ... Тѣмъ лучше... Вѣдь мы здѣсь тоже насидѣлись...

Опять прошло нѣсколько дней. Чукчи не приходили. Степанъ, несмотря на притворное равнодушіе и скептицизмъ, былъ этимъ обезпокоенъ и быстро обращивался на малѣйшій стукъ въ двери.

Время было довольно позднее. Онъ только что кончилъ работу и, ради сбереженія дорогихъ здѣсь свѣчей, отдыхалъ въ раздумьи у пылающаго камина.

Вдругъ вниманіе его привлекли необычайные звуки на дворѣ вблизи его дома: шумъ, возгласы... Двери широко открылись, затѣмъ также быстро закрылись за влетѣвшимъ въ избу человѣкомъ. Слышно было, какъ незнакомецъ уперся колѣнями въ косякъ и уцѣпился за дверной ремень. Снаружи тоже тянули за ремень, и дверь тихо постукивала въ тактъ толчкамъ и хриплому дыханію борцовъ. Взволнованный и испуганный Степанъ быстро зажегъ свѣчу и направился къ двери. Рослый, весь испачканный въ снѣгу чукча напрягалъ силы, чтобы помѣшать кому-то войти. Двери все колебались и дрожали подъ сильнымъ напоромъ. Дикарь умоляюще взглянулъ на Степана и показалъ, что онъ безоруженъ, затѣмъ кивнулъ на сѣни, гдѣ хрипѣли многіе голоса и стучали многочисленныя ноги. Степану даже почудилось, что онъ узнаетъ знакомые голоса.

— Кто тамъ? Перестанете ли вы, наконецъ, ломиться... чортъ побери!.. Кто вы такіе?.. — вскричалъ онъ возбужденно.

Толчки въ дверь прекратились. Нѣкоторое время продолжалось еще бормотаніе, но вскорѣ затѣмъ проскрипѣли на снѣгу мимо дома шаги, и все затихло. Чукча выпустилъ ремень изъ рукъ и повернулся къ Степану.

— Братъ!.. Гемъ камакатанъ! — проговорилъ онъ и показалъ на себя, — гемъ камакатанъ... гемъ... ножа нѣту... братъ!...

Онъ закрылъ безпомощно вѣки и притворился, что падаетъ на землю, а когда снова открылъ ихъ, то его взглядъ и все его некрасивое скуластое лицо выражало глубокую благодарность.

— Братъ! — повторилъ онъ. — Аноай!.. Аноай!

Затѣмъ подошелъ къ камину и сталъ старательно выбивать снѣгъ изъ мѣха куклянки. Снятое платье было все въ снѣгу; шапка, волоса, лицо тоже были усыпаны снѣгомъ; ручки тающей воды струились по его голой шеѣ и проникали подъ одежду. Дикарь сталъ показывать, что дрожить, что умираетъ... Степанъ понималъ, что даже чукча не могъ безнаказанно выйти на морозъ въ промокшемъ до такой степени мѣхѣ. Онъ значительно кивнулъ гостю головой. Тотъ улыбнулся и сталъ быстро разстегивать ремешные заязки. Минуту спустя, онъ вынырнулъ изъ кучи упавшаго мѣха совершенно голый, какъ античная статуя. Степанъ съ любопытствомъ ждалъ продолженія. Чукча спокойно развѣсилъ платье передъ огнемъ, обвелъ комнату глазами и, замѣтивши въ углу приготовленную кровать, радостно подпрыгнулъ и исчезъ въ постели. Все это онъ продолжалъ до того ловко и неожиданно, что Степанъ не могъ удержаться отъ громкаго смѣха. Чукча высунулъ голову изъ-подъ одѣяла и проговорилъ привѣтливо:

— Братъ!.. братъ! Аноай!.. Аноай!

Вечеромъ, въ обыкновенное время, явился Осипъ.

— А что, были?—спросилъ онъ протяжно.

— Даже есть!—отвѣтилъ, усмѣхаясь, Степанъ.

Онъ рассказалъ товарищу всю странную исторію.

— Прекрасно, чудесно... Начинается... Онъ спитъ въ твоей постели... Пусть спитъ, — повторялъ тотъ восторженно, двигаясь осторожно на ципочкахъ.

— Ничего чудеснаго не нахожу... Право, я бы предпочиталъ, чтобы онъ спалъ въ твоей постели... Подозрѣваю, что онъ отроду не мылся и не при-

чесывался. Если бы онъ хоть стригся... Такъ нѣтъ; точно парочно волосы длинные, какъ у Китубьи...

— Прелестно, прелестно!.. Значить—знатный, значить—богатырь... А отношенія сразу станутъ дружескія... Покажи мнѣ его... Какъ онъ себя называлъ?

— Не знаю... Какъ-то... гемъ-камака...

Со свѣчой въ рукѣ они осторожно подошли къ кровати; гдѣ на бѣлой европейской подушкѣ странно выдѣлялось мѣдное, грубое лицо дикаря въ вѣнчѣ черныхъ волосъ. Вдругъ вѣки спящаго задрожали, и онъ широко открылъ глаза. Мгновеніе онъ глядѣлъ въ изумленіи на наклоненныхъ надъ нимъ пріятелей, затѣмъ быстро привсталъ, тревожно пошарилъ кругомъ и вдругъ съ умоляющимъ жестомъ протянулъ впередъ безоружныя руки.

— Братъ... братъ!—успокоилъ его Степанъ и дружески положилъ руку на его плечо.

— Братъ!—шепнулъ смущенно дикарь; дѣтская улыбка заиграла на его губахъ; онъ ловко выпрыгнулъ изъ постели и направился къ своему платью.

— Чудесный экземпляръ... великолѣпный самецъ...—восхищался Осипъ. Онъ дружески хлопнулъ дикаря по ляжкѣ. Тотъ вздрогнулъ отъ прикосновенія и повернулся къ нему разомъ всѣмъ корпусомъ, точно пружинная кукла. Осипъ не зналъ, какъ и выразить свое удовольствіе... Въ результатѣ онъ прочелъ подъ рядъ весь свой небогатый словарь чукотскихъ выраженій. Гемъ-гамакатанъ обязательно повторялъ ихъ, и оба они хохотали, какъ сумасшедшіе. Не подлежало сомнѣнію, что дружба была заключена, а такъ какъ платье не совсѣмъ еще высохло, то гость подсѣлъ къ столу, какъ былъ, и всѣ они стали весело уплетать пригс-

товленный ужинъ. Гость въ промежуткахъ все что-то рассказывалъ, указывалъ на сѣверъ и скалилъ зубы съ любезной улыбкой. Передъ уходомъ, положивъ руку на плечо Степана, онъ торжественно сказалъ „братъ!“ и обѣщалъ привести отца, мать, жену...

— И Бузу приведи, и Лопатку... и Китувью...

Лицо чукчи потемнѣло, глаза сверкнули...

— Хорошо,—сказалъ онъ спокойнѣе на мѣстномъ чукотско-русскомъ жаргонѣ.—И Бузу и Лопатку... будетъ водка, будетъ свадьба...

— Свадьба?—спросили удивленно.

— Водка!—отвѣтилъ увѣренно дикарь и надѣлъ шапку.

Какъ только двери за нимъ закрылись, Осипъ восторженно бросился на шею Степану.

— Чудесно, прелесть!.. Мы въ Америкѣ...

Съ тѣхъ поръ прошло много дней. Уже розовыя зори стали нарушать цѣльность темныхъ ночей, и высокія тучи среди неба стали въ полдень отливаться золотомъ, а о чукчахъ ничего не было слышно. Степану даже показалось, что знакомые, пріѣзжавшіе ежедневно въ городъ, какъ будто избѣгаютъ его на улицѣ. Китувья при встрѣчѣ не подошелъ къ нему, не кивнулъ даже головою, а вызываяще взглянулъ ему въ лицо, Лопатка всегда свертывалъ въ сторону, завидѣвъ издали. Гемъ-камака же пропалъ безъ вѣсти, и даже не удалось о немъ ничего узнать. Буза притворялся, а, можетъ быть, и дѣйствительно не въ состояніи былъ прослѣдить, кто этотъ гемъ-камака.

— Гемъ-камака... рассказываете? Да такого имени нѣту... Если онъ сказалъ, такъ онъ однако совралъ нарочно... Это даже не слово, а такъ себѣ... звукъ пу-